

23 февраля, День Советской Армии и Военно-Морского флота, в воинской части (ракетной бригаде), где служил мой отец, отмечали всегда одинаково. Утром солдаты и офицеры строились в парадное каре на огромном плацу. С трибуны произносили приветственные речи секретарь районного комитета Коммунистической партии, командир части, председатель женсовета и ударницы крупных предприятий города, а также представители подшефного колхоза. Затем личный состав ракетной бригады проходил перед трибуной торжественным маршем и гостям начинали демонстрировать солдатский быт: водили в столовую, кормили солдатской кашей, показывали казармы. Вечером все шли в клуб на концерт. Клуб располагался в помещении бывшего костела. На месте нашей воинской части до 1939 года стоял драгунский полк. Тогда Кременецкий район (Тернопольская область) входил в состав Польши.

Концертная программа на 23 февраля состояла, как правило, из трех частей. Сначала на сцену выходило командование воинской части – награждали почетными грамотами и медалями отличников боевой и политической подготовки, вручали памятные подарки, а затем уступали место ведущим торжественного вечера. Женский и мужской хор исполняли кантату (торжественное песнопение) в честь Коммунистической партии Советского Союза. Помню даже начальные слова: «Партии – слава, от всего народа – слава...». После «Партии – слава» мужской хор исполнял кантату в честь В. И. Ленина: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой, в горе, надежде и радости. Ленин в твоей судьбе, в каждом счастливом дне...».

От ленинской тематики песен переходили к военной: «В боях добытая, кровью омытая, слава русская подвигом озарена...». Когда заканчивались длинные и торжественные песнопения во славу КПСС, Ленина и Советской Армии начиналась третья часть торжественного концерта – самая интересная.

Моя мама, как и многие другие жены офицеров, пела в хоре. Особенной популярностью в начале и середине 70-х годов пользовалась песня «Алеша» *(музыка Эдуарда Колмановского, слова Константина Ваншенкина)*.

«Белеет ли в поле пороша / Иль гулкие ливни шумят, / Стоит над горою Алеша – / В Болгарии русский солдат».

После выступал детский хор и пел песню Сергея Никитина «Песню о маленьком трубаче»: «Кругом война, а этот маленький – / Над ним смеялись все врачи: / «Куда такой годится маленький, / Ну, разве только в трубачи?»...

Когда сверстники доходили до слов: «И встал трубач в дыму и пламени, / К губам трубу свою прижал. / И за трубой весь полк израненный / Запел «Интернационал». / И полк пошел за трубачом, / Обыкновенным трубачом», у меня комок подкатывал к горлу. Я присутствовал на концертах, в основном в качестве зрителя из-за неумения петь и не очень хорошего музыкального слуха.

Репертуар торжественных концертов, разумеется, менялся. Бессменными оставались только кантаты и марш «Прощание славянки», исполняемый на всех торжественных музыкальных мероприятиях. «Славянку» обычно исполняли на бис три раза.

В 1973 году порядок выступлений решили немного изменить. Подшефная русская (одна на весь район) школа решила поздравить своих военных шефов бодрым речитативом во славу Советской Армии и ВМФ. Пионерская дружина имени Юрия Гагарина прибыла в назначенное время в клуб. Мне, как знаменосцу дружины, в сопровождении двух ассистентов необходимо было торжественным строевым шагом пройти через весь зал на сцену. В белой рубашке, красной пилотке, красном галстуке и в красных перевязях с красным знаменем в руках я с волнением печатал шаг по кафелю католического собора. Оркестр играл встречный марш. Присутствующие гости, солдаты и офицеры поднялись со своих мест и стоя приветствовали нашу знаменную группу, маршировавшую под небольшим пионерским стягом. Никогда больше путь до сцены мне не казался таким длинным. После окончания поздравления, пионервожатая звонко крикнула: «Для выноса знамени – смирно!» Путь обратно показался мне немного короче. Напоследок я не рассчитал правильно высоту проема дверей на выходе и наконецником знамени воткнулся в дверной косяк. Мою неловкость, как мне представлялось, заметили все. Больше всего я боялся услышать смех в зале. Оркестр к тому времени перестал играть и звук удара металла о дверной косяк отчетливо разнесся под сводами собора. Мне было стыдно за свою неуклюжесть, и я едва сдерживал слезы от досады. Зал доброжелательно промолчал. На меня лишь негромко шипели ассистенты, маршировавшие вместе со мной. Мне хотелось провалиться от стыда, я краснел и потел от волнения. В гардероб, куда мы отправились переодеваться, я зашел окончательно разбитым досадой. Словно почувствовав неладное, за нами следом зашел командир

воинской части. Посмотрев на меня, точнее на то жалкое зрелище, что я собой представлял, он молча снял со своего парадного кителя латунный знак, который выдавался офицерам, сдавшим экзамены на специалиста 1 класса, и вручил мне со словами: «Держи, владей! Ты сделал все хорошо. С праздником тебя!» Знак представлял собой нечто похожее на расправленные крылья с изображением танка и ракеты внутри, щита с цифрой один и с красной эмалевой звездочкой наверху, у звездочки был отколот кусочек эмали на верхнем луче.

К сожалению, знак я не сохранил. Через много лет на торговых развалах значков, знаков и медалей, возле Исторического музея в Москве я увидел такой же, с отколотой красной эмалью на верхнем луче звезды. Продавец никак не мог взять в толк, почему я так долго стою и, улыбаясь, смотрю на тот знак. В конце концов он предложил купить его. Что-то меня остановило от приобретения. Может быть, тот, едва сдерживающий слезы тринадцатилетний подросток, получивший свою награду из рук офицера? Командир отнесся ко мне как к товарищу по оружию. Тому полковнику было дорого все, чему он посвятил свою жизнь. Я был незначительной слагающей его военной судьбы, но все же заметной на тот момент. То ощущение причастности к мужскому братству и чувство благодарности за то, что мне позволили стать его, пусть маленькой, но частью, нельзя было купить.

Когда продавец стал заметно нервничать, я засобирався уходить. На душе было спокойно и уютно, словно мое детство коснулось меня своим теплым дыханием.

«Слава Армии родной в день ее рождения!» – эта поэтическая строка тоже из детства.

А дальше на бис «Прощание славянки».

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ